

Федеральное государственное автономное учреждение
высшего образования
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
по результатам подготовленной научно-квалификационной работы
(диссертации)

Шелковников Андрей Игоревич

Направление подготовки: 41.06.01 Политические науки и регионоведение

Факультет мировой экономики и мировой политики

**Аспирантская школа по международным отношениям и зарубежным
региональным исследованиям**

Аспирант _____ / Шелковников А. И./

Научный руководитель _____ / Бакланов А. Г. /

Директор Аспирантской школы _____ / Шеин С.А./

Москва, 2024

Актуальность. Российская Федерация все активнее развивает взаимодействие со странами "мирового большинства".¹ Деградация отношений со странами Запада, наложение беспрецедентных санкций на Россию, повлияли на то, что наша страна заинтересована в поиске новых модальностей взаимодействия с дружественными государствами, среди которых особое место занимают страны региона Ближнего Востока.

Страны ближневосточного региона заняли важнейшее место во внешнеполитическом проецировании российских интересов, как в области безопасности, так и области экономических, торговых и финансовых отношений.² Активное участие России в региональных процессах, включая посреднические усилия в конфликтах (Сирия, Ливия, ирано-саудовская напряженность), предложение в 2019 г. Концепции обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива, переориентация экономики на взаимодействие с Востоком, становится важнейшим фактором успешного продвижения национальных интересов и укрепления международного престижа, требующих определенной балансировки отношений с разными региональными центрами силы. В контексте Ближнего Востока, в первую очередь это актуально в зоне Персидского залива, в особенности по линии Иран – аравийские монархии (ССАГПЗ).

Регион Ближнего Востока все еще переживает трансформационные процессы, последовавшие за Арабской весной.³ Она повлияла на развитие всего региона, изменив устоявшийся баланс сил и нарушив структуру международной системы. Традиционные региональные лидеры (Египет, Сирия и Ирак после американского вторжения 2003 г.) прошли через разрушительные внутренние военные конфликты и революции, на время потеряв возможность для активного влияния на региональную систему, и

¹ Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 5. С. 6-18.

² Бакланов А.Г. Не втянуться в воронку // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 2. С. 213-223.

³ Труевцев К.М. Десять лет «арабской весны»: пейзаж после битвы // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. No. 5. С. 60-70.

сами стали ареной для противостояния новых претендентов на региональное лидерство. Эти трансформационные процессы повлияли не только на статус традиционных лидеров, но и положение государств зоны Персидского залива в региональном балансе сил, поставив перед ними новые политические и военные вызовы.

Весь регион и действующая на этом направлении Россия, продолжают сталкиваться с угрозами разного характера, а вопрос безопасности занимает центральное место в обеспечении стабильности регионального развития и будущих форм взаимодействия со внешними силами, в том числе и Москвой. Показательным становится пример политики США в регионе, которые в зависимости от смены администрации президента значительно меняют свой подход к региону, заметно влияя на отношения местных партнеров к Вашингтону, вынуждая их следовать модели диверсификации внешних связей.⁴ Все вместе это актуализует внимательное отношение к позициям региональных игроков, активно участвующих в трансформационных процессах всего Ближнего Востока.

В этом контексте особенно выделяются ОАЭ, которые не только представили собой новый центр силы в регионе Ближнего Востока и в зоне Персидского залива, но и заняли центральную позицию в транспортно-логистических, торговых и финансовых расчётах России при выходе на рынки сопредельных регионов (Африка, Южная и Юго-Восточная Азия).⁵ Кейс ОАЭ представляет особое внимание, поскольку взаимодействие России с Эмиратами осуществляется не только в контексте торгово-экономических, но и военно-политического связей (Ливия, Сирия), а позиции Эмиратов по региональному развитию важны и для успешного продвижения российских интересов в регионе. ОАЭ – один из новых

⁴ Quero J., Dessì A. Unpredictability in US foreign policy and the regional order in the Middle East: reacting vis-à-vis a volatile external security-provider // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2021.

⁵ Путин: отношения России и ОАЭ вышли на беспрецедентно высокий уровень // *ria.ru* 06.12.2023 URL: <https://ria.ru/20231206/peregovory-1914103355.html> (дата обращения 13.02.2023).

центров силы в зоне Персидского залива, обладающих политической волей и возможностями для участия в решении региональных проблем.⁶

ОАЭ несмотря на ограничения, накладываемые на страну объективными условиями, включая географический размер, физическое расположение между традиционными региональными лидерами (Саудовская Аравия, Иран), малое население, после событий Арабской весны стали одним из ведущих акторов региональной политики. ОАЭ проводят активную политику обеспечения национальной безопасности в региональном измерении, противостоя угрозам, исходящим от превышающих Эмираты по ресурсам игроков.⁷ Такое положение делает еще более необходимым изучение опыта ОАЭ как дружественного государства по обеспечению собственной национальной безопасности, для лучшего понимания, анализа и дальнейшего прогнозирования их возможных действий в рамках региональных и международных отношений.

Вместе с тем ОАЭ – уникальное государство как для ближневосточного региона, так и для всего мира в целом. Представляя пример федерации семи изначально независимых эмиратов, расположенных в восточной части Аравийского полуострова и замкнутых в окружении держав с существенно большим потенциалом и территориальными претензиями (экспансионистские стремления Ирака, территориальный спор вокруг островов в Ормузском проливе с Ираном, вопрос границ и нефтяных месторождений с Саудовской Аравией на Аравийском полуострове и в Персидском заливе),⁸ ОАЭ, сталкивающиеся с демографическим дисбалансом (население эмиратов превышает 10 млн чел., но подданных ОАЭ из них не более 1,5 млн чел.), на протяжении более

⁶ Steinberg G. Regional power United Arab Emirates: Abu Dhabi is no longer Saudi Arabia's junior partner. // SWP Research Paper. 2020. №. 10. P. 35.

⁷ Krieg A. The UAE's 'dogs of war': Boosting a small state's regional power projection // Small Wars & Insurgencies. 2022. Т. 33. №. 1-2. С. 152-172.

⁸ Foley S. The UAE: political issues and security dilemmas // Middle East. 1999. Т. 3. №. 1. p. 26. Alfadhli H. A. Boundaries and Territorial Disputes in the GCC States // Sultanate of Oman, Muscat. 2018.

полувека остаются жизнеспособным государством, непрерывно развиваясь и усиливая свой политический вес, несмотря на встречу с серьезными вызовами безопасности.

В то же время, события Арабской весны и последующее десятилетие полное региональных конфликтов и кризисных ситуаций (революции, войны в Сирии, Ливии, Йемене, кризисы отношений с Катаром и Ираном, международный терроризм), продемонстрировали эффективную способность Эмиратов не только преодолевать возникающие угрозы, но укреплять свои позиции. ОАЭ представили успешный пример выживания устоявшейся в стране политической системы, сохранения стабильности государства в условиях жесткой региональной турбулентности. Все это соседствует с уникальной внутренней системой, характеризующейся наличием особой федеративной модели, основанной на выстраивании внутреннего баланса сил между эмиратами, высоким фактором личности в управлении (пример шейха Зайеда – основателя государства), а также уникальной эмиратской идентичности, формируемой руководством страны.

Историографический анализ. Историографический анализ необходимо начать с рассмотрения основных работ, анализирующих проблемы *региональной среды безопасности на Ближнем Востоке*. Это направление получило очень хорошее освещение в работах российских исследователей. Можно выделить работы *А.Г. Бакланова, В.А. Кузнецова, В.Г. Барановского, В.В. Наумкина, Г.Г. Косача, Н.Ю. Суркова, И.Д. Звягельской, А.Г. Аксененка*.⁹ Можно отметить и работы западных

⁹ Бакланов А. Г. Ближний Восток: «дорожная карта» региональной безопасности // М.: Ин-т Ближнего Востока. 2006.; Бакланов А. Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созиданию системы региональной безопасности. МГИМО, 2001.; Бакланов А.Г. Не втянуться в воронку // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №. 2. С. 213-223.; Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №. 3. С. 5-19.; Кузнецов В. А., Наумкин В. В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. №. 1. С. 70-92.; Сурков Н. Ю. АРАБСКИЙ МИР В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ 2022 ГОДА НОВЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ

исследователей, сосредоточенных на зоне Персидского залива: *М. Камрава, Ч. Бьянко, А. Юссеф, К. Коатес-Ульрихсен, А. Кордсман*.¹⁰ А также региональных исследователей: *А. Арафат, М. аль-Джабри, М. бин Хувейдин, А. бин Турки*.¹¹

Вторым направлением исследований по проблеме составляют работы по внешней политике ОАЭ, которые затрагивают вопрос обеспечения безопасности Эмиратов, однако не делают его центральным элементом исследования. Среди российских исследователей эту тему поднимают Е.С. Мелкумян,¹² Т.Р. Хайруллин, А.В. Коротаев,¹³ Т.И. Тюкаева,¹⁴ В.В. Горбатова.¹⁵ Также можно выделить зарубежных исследователей П.Хайлера, К.Коатеса-Ульрихсена, Э.Соубрие, Х. Ибиш, К.Хендерсон, У.Гуэрайш, Д.Гузански, А.Эль-Дессоуки, О.Мансур, И.Аль-Кетби.

Вопрос трансформации внешней политики ОАЭ также активно рассматривается исследователями: П. Хеллайер, Й. Аль Юсеф, И. Аль

И АЛЬЯНСЫ ДЛЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОВОГО УСТРОЙСТВА // Свободная мысль. 2023. № 1 (1697). С. 116-128.; Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке-невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 2. С. 97-109.; ЗВЯГЕЛЬСКАЯ И. Д., КУЗНЕЦОВ В. А. Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 6-19.; Аксенёнок А. Ближневосточные головоломки // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 6. С. 202-206.

¹⁰ Kamrava, Mehran, *Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf*. Cornell University Press, 2018. Bianco C. Gulf security after 2011: A threat analysis // *Middle East Policy*. 2018. Т. 25. № 2. P. 27-41.; Yossef A. Gulfization of the Middle East Security Complex: The Arab Spring's Systemic Change // *The Regional Order in the Gulf Region and the Middle East*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020.; Ulrichsen K. C. Internal and external security in the Arab Gulf states // *Middle East Policy*. 2009. Т. 16. № 2.; Cordesman A. H. *Gulf security: looking beyond the Gulf Cooperation Council*. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2017.

¹¹ Arafat A. A. D. *Regional and international powers in the gulf security* // Springer International Publishing, 2020.; Al Jabri M. M. A. *Gulf Security: Peninsula Shield Force and Iran* // Third International Security Conference. 2017. Т. 15.; التحالف غير المقدس : الولايات المتحدة الأمريكية والخليج العربي بين واقعية روزفلت وبراجماتية نيكسون محمد بن هويدن ومثالية بوش الابن (Мохаммед бин Хувейдин. Нечестный союз: Соединенные Штаты Америки и страны Персидского залива между реализмом Рузвельта, прагматизмом Никсона и идеализмом Буша-младшего) // Центр стратегических исследований Эмиратов. 2018. 199 с.

¹² Мелкумян Е. С. Внешнеполитическая деятельность Бахрейна, Катара, Кувейта, ОАЭ и Омана по поддержанию региональной стабильности после 2011 г // *Ближний Восток и современность*. 2015. № 49. С. 101-120.; Мелкумян Е. С. История государств Арабского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман) в XX-начале XXI в. 2016.; Мелкумян Е. С. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. Т. 14. № 2. С. 107—118.

¹³ Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство. Азия и Африка сегодня. 2023. №9. С. 27-35.

¹⁴ Тюкаева Татьяна Иршатовна ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ОАЭ: ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2021. №4.

¹⁵ Горбатова В.В. Саудовская Аравия и ОАЭ в Йемене: противоречивая коалиция // *Проблемы национальной стратегии*. 2019. № 6 (57). С. 52—69.

Кетби, Аль-Зааби, Г. Абдулла.¹⁶ Й. Аль Юсеф разбирал в своей работе изменения стратегии внешней политики после смены поколений лидеров, снижения роли ССАГПЗ и процессов интеграции в регионе и в ОАЭ, в частности. Новая политика по мнению исследователя строится на национальных интересах, определяемых новым поколением руководителей. В тоже самое время события Арабской весны, по мнению автора, должны подтолкнуть ОАЭ к большей кооперации как внутри Залива, так и с более широким арабским миром. Директор Эмиратского центра политических исследований *И. Аль Кетби*, в котором предпринят анализ нескольких фаз внешнеполитических изменений ОАЭ. Автор выделяет период от освобождения Кувейта до террористических атак 11 сентября 2001 г., как начало формирования современной системы внешней политики ОАЭ. Затем период с 2001 по 2011 гг., как наращивание собственных политических ресурсов и амбиций, через встраивание в мировой политический порядок и экономическое развитие. Третьей фазой становятся события Арабской весны и активная реакция ОАЭ на них, началом третьего периода становится Катарский кризис 2017 г., в рамках которого ОАЭ продолжает стремиться к региональному лидерству. Последняя фаза стартует с заключения соглашений с Израилем в августе 2020 г., демонстрируя попытки изменения привычного политического регионального ландшафта. Ограничением данного исследования становится строгое полагание на внешние факторы в реализации политических действий в рамках неореализма и малое внимание к восприятию их внутри ОАЭ.

¹⁶ Hellyer P. The evolution of UAE foreign policy // United Arab Emirates: a new perspective. 2001. P. 161-178.; Alzaabi M. Foreign policy of the United Arab Emirates (UAE): Continuity and change // Smart Technologies and Innovation for a Sustainable Future: Proceedings of the 1st American University in the Emirates International Research Conference Dubai, UAE 2017. Springer International Publishing, 2019. P. 141-148.; Al-Yousef Y. K. The United Arab Emirates at a crossroads // Contemporary Arab Affairs. 2013. Т. 6. №. 4.; Abdulla G. A. The Making of UAE Foreign Policy: A'dynamic Process Model'. Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2014. Т. 84.; Al Ketbi E. Contemporary Shifts in UAE Foreign Policy: From the Liberation of Kuwait to the Abraham Accords // Israel Journal of Foreign Affairs. 2020.

Большое число исследователей фокусируется на анализе безопасности ОАЭ через призму неореализма. Можно выделить работы А. Аль-Машата, Ю.Гузански, А.Эль-Дессоуки, О.Мансура, Б.Доган-Аккаса.¹⁷ Так, Ю.Гузански развивает идею хэджирования рисков со стороны малых стран Залива, отмечая кейс ОАЭ, имеющих территориальные споры с Ираном. По мнению исследователя, попытки ОАЭ повысить уровень экономического взаимодействия с Ираном, как и регулярные контакты официальных лиц, позволяют снизить напряженность во взаимоотношениях с соседом, а, следовательно, укрепить безопасность. Профессор Университета будущего в Египте А.Аль-Машат, следуя неореалистической теории, Аль-Машат отмечает, что четыре внешних круга, а именно Персидский залив, арабский, исламский и международный фактор объясняют внешнюю политику страны. Автор отмечает и активный характер действий Абу-Даби, который принимает участие в военных конфликтах, как примыкающее государство, стремящееся вовлекаться в активности своих политических союзников, в особенности, США.

Ряд исследователей подходят к проблеме безопасности ОАЭ через призму малых государств: Р. Миллер, Х. Верховен, Д.Рикли, Х.Альмезаини, Л.Шервуд.¹⁸ Р. Миллер и Х. Верховен проводят сравнительный анализ ОАЭ и Катара, используя теорию малых государств. Они отмечают, что, исходя из регионального положения, Абу-Даби и Дохе следовало бы объединить свои усилия для борьбы с гегемонами в лице Саудовской Аравии и Ирана, однако на практике происходит обратная ситуация. По словам

¹⁷ Al Mashat A. M. Politics of constructive engagement: the foreign policy of the United Arab Emirates // *Future*. 2008. Т. 1.; Guzan sky Y. The foreign-policy tools of small powers: Strategic hedging in the Persian Gulf // *Middle East Policy*. 2015. Т. 22. №. 1.; El-Dessouki A., Mansour O. R. Small states and strategic hedging: The United Arab Emirates' policy towards Iran // *Review of Economics and Political Science*. 2020.; Dogan-Akkas B. The UAE's foreign policymaking in Yemen: from bandwagoning to buck-passing // *Third World Quarterly*. 2020.

¹⁸ Miller R., Verhoeven H. Overcoming smallness: Qatar, the United Arab Emirates and strategic realignment in the Gulf // *International Politics*. 2020. Т. 57. p. 1-20.; Rickli J. M., Almezaini K. Theories of Small States' Foreign and Security Policies and the Gulf States // *İçinde The Small Gulf States: Foreign and Security Policies Before and After the Arab Spring*, derleyenler Khalid S. Almezainive Jean-Marc Rickli. 2017. P. 8-31.; Sheerwood L. Risk Diversification and the United Arab Emirates' Foreign Policy // *The Small Gulf States: Foreign and Security Policies Before and After the Arab Spring*. 2017.

исследователей, стратегия безопасности ОАЭ от саудовско-иранской угрозы выстраивалась через экономическое развитие и преодоление статуса малого государства путем занятия экономического лидерства в регионе. Однако, после экономического кризиса 2008 г. и концентрации власти в руках Абу-Даби, ОАЭ проводит более активную политику безопасности, связанную с формированием в стране крупного логистического центра. Эта сверхактивная стратегия позволяет выйти за рамки теоретических ограничений малого государства и занять одно из лидирующих положений в регионе. Л.Шервуд также отмечает, что, несмотря на то, что для ОАЭ, как и любого малого государства, привычно использовать стратегии заключения альянсов и примыкания, во внешней политике после Арабской весны страна все чаще выходит за рамки привычного понимания малого государства. Через рассмотрение участия в конфликтах, исследователь заключает, что внешняя политика ОАЭ является не просто оборонительной, но предупреждающей угрозы безопасности. Эмираты по мнению Шервуд способны самостоятельно формировать альянсы, а не просто примыкать к более сильным союзникам. Основой для такого поведения видится экономическое развитие и аккумуляция ресурсов, которые дают возможность для более широкого проецирования силы.

Ряд исследователей предпочитают рассматривать политику безопасности ОАЭ через призму узких направлений. Здесь можно отметить М. Аль Рашиди, С. Кхана, К. Дэвидсона, Р.Мэйсона, Р.Крига, изучающих *военные особенности эмиратской политики обеспечения национальной безопасности*.¹⁹

Майор ВС ОАЭ М. Аль Рашиди оценивает политику национальной безопасности ОАЭ через призму военных возможностей и коллективной

¹⁹ Musallam M. Al Rashedi, "The UAE National Security Strategy in the 21st Century", United States Marine Corps, School of Advance Warfighting, Marine Corps University, Thesis, 2005; Khan S. M. UAE Defence Strategy // Defence Journal. 2014. Т. 18. №. 5.; Davidson C. M. Dubai and the United Arab Emirates: security threats // British Journal of Middle Eastern Studies. 2009. Т. 36. №. 3. P. 431-447.; Krieg A. The UAE's 'dogs of war': boosting a small state's regional power projection // Small Wars & Insurgencies. 2022. Т. 33. №. 1-2.

безопасности. Автор проводит анализ текущих угроз для ОАЭ в начале XXI в., подчеркивая важность комплексной борьбы как с конвенциональными (угроза Ирана), так и не конвенциональными угрозами для формирования эффективной стратегии безопасности. Аль Рашиди выделяет типичные угрозы безопасности ОАЭ, связанные с недостаточным количеством населением, нахождения в опасном региональном окружении. Отдельно автор подчеркивает важность и необходимость поддержания стабильных отношений с США, как одним из главных гарантов безопасности для ОАЭ. К. Дэвидсон проводит анализ политики безопасности ОАЭ через сопоставление угроз на уровне федерации и одного эмирата, анализируя историческое развитие ОАЭ, их конвенциональных возможностей по преодолению угроз, полагание на внешнюю поддержку США. Дэвидсон отдельно выделяет угрозы Ирана, исторических территориальных претензий со стороны Саудовской Аравии, терроризма, зависимости от нефти. На примере экономического развития Дубай, автор подчеркивает, что развитие финансового сектора и туристического потенциала было также решением проблемы безопасности со стороны глав ОАЭ, однако по мнению автора усилило подверженность угрозам уже от международных криминальных и террористических групп.

А.Криг делает акцент на вооруженных силах ОАЭ в реализации военных кампаний в регионе, однако особенно он обращается к использованию сил частных военных компаний, а также наемников из местных ополчений, используемых ОАЭ в реализации своих национальных интересов. По мнению автора, способность осознания своих ограничений и использование «наняваемых» компаний для обеспечения безопасности отличает Эмираты от других государств в регионе в реализации своих региональных целей.

Изучаемой частью проблемы становится *взаимодействие ОАЭ с другими акторами* для обеспечения своей национальной безопасности:

Дж.Кафьеро, Р.Зиада, Й.Гузански, З.Маршал.²⁰ Это связывается как с трансформацией региональных отношений после изменчивости американского подхода к региону, так и постепенной переориентацией политики стран региона на новых акторов, связанную с их повышающейся субъектностью.

Р.Мэйсон стремится рассмотреть то, как ОАЭ выходят за рамки поведения малого государства в обеспечении своей политики, через развитие вооруженных сил, а также активную систему союзов. По мнению автора, демонстрация себя в качестве надежного партнера, который готов «разделять бремя» в борьбе за стабильность региона, вместе с развитием вооруженных сил, как и способность использовать их для обеспечения своих национальных интересов, показывает, что стратегия ОАЭ выходит за привычные рамки поведения малых государств. Дж.Кафьеро разбирает взаимодействие ОАЭ, Саудовской Аравии и Катара с традиционным внерегиональным гарантом безопасности в лице США, оценивая фактор президентства Трампа на развитие взаимоотношений между странами.²¹ Так, по мнению автора именно изменение риторики внешней политики США при новом президенте привело к эскалации напряжения внутри региона Залива. Руководство ОАЭ и Саудовской Аравии увидели в этом, а также в политике в отношении Ирана возможность для следования более жесткой линии внутри региона и ожидали поддержки по давлению на Катар.

Р. Зиада отмечает важную роль отношений между ОАЭ и Саудовской Аравии в перестройке регионального баланса сил, а также в обеспечении их

²⁰ Cafiero G. The “Trump Factor” in the Gulf Divide // *Divided Gulf*. Palgrave Macmillan, Singapore, 2019.; Guzanaky Y., Marshall Z. A. The Abraham Accords: Immediate significance and long-term implications // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2020. Т. 14. №. 3.; Mason R. Breaking the mold of small state classification? The broadening influence of United Arab Emirates foreign policy through effective military and bandwagoning strategies // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2018. Т. 24. №. 1.; Ziadah R. The importance of the Saudi-UAE alliance: notes on military intervention, aid and investment // *Conflict, Security & Development*. 2019. Т. 19. №. 3. P. 295-300.

²¹ Cafiero G. The “Trump Factor” in the Gulf Divide // *Divided Gulf*. Palgrave Macmillan, Singapore, 2019.

безопасности. Автор рассматривает кейсы военных интервенций и экономических вливаний в Йемен и Египет, которые рассматриваются ОАЭ и Саудовской Аравией в качестве своей зоны интересов, приходя к выводу, что многоаспектность политики двух государств способствует эффективности реализации их национальных интересов, несмотря на проблемы, с которыми они встречаются по пути (затянувшийся военный конфликт в Йемене). Й. Гузански и З. Маршал анализируют последствия соглашения ОАЭ с Израилем для региональной и государственной безопасности,²² приходя к выводу, что соглашение стало результатом длительного процесса скрытой дипломатии и не афишируемых контактов между государствами, интересы которых все больше связывались между собой. Помимо непосредственной трансформации регионального миропорядка Израиль становится важнейшим фактором в усилении региональных перспектив ОАЭ как экономически, так и военно-политически, что связано с возможностями кооперации, которые дает это соглашение странам на официальном уровне.

Еще одним направлением исследований по проблеме считаются работы, затрагивающие *роль элит в формировании внешней политики и стратегии национальной безопасности ОАЭ*, например, работы А.Руха, О.Херд-Бея, К. Ульрихсена, Д. Воткинса, Х.Голамниа и С.Пирмохаммади.²³ В исследовании Д. Воткинса, посвящённого элитам и политике стран Персидского залива после Арабской весны делается вывод, что политика ОАЭ, Катара и КСА в регионе, во многом строилась на личных интересах и попытках сохранения политической власти элит этих государств.

²² Guzansky Y., Marshall Z. A. The Abraham Accords: Immediate significance and long-term implications // Israel Journal of Foreign Affairs. 2020. Т. 14. №. 3.

²³ Watkins J. Identity politics, elites and omnibalancing: reassessing Arab Gulf state interventions in the Uprisings from the inside out // Conflict, Security & Development. 2020. Т. 20. №. 5.; Gholamnia H., Pirmuhammadi S. Transformation of the Regional Politics of United Arab Emirates: Muhammad Ben Zayed's Approach // Scientific Journal of Security Horizons. 2021. Т. 13. №. 49.; Heard-Bey F. Abu Dhabi, the United Arab Emirates and the Gulf region: fifty years of transformation. Gerlach Press, 2016.; Rugh A. B. The political culture of leadership // The Political Culture of Leadership in the United Arab Emirates. New York: Palgrave Macmillan US, 2007. С. 217-236.; Ulrichsen K. The United Arab Emirates: power, politics and policy-making. Routledge, 2016.

Исследователь приходит к выводу, что частые изменения в этой политике отражают не региональные изменения баланса сил, но неустойчивость и слабую роль институтов государства. Этот подход можно подвергнуть справедливой критике за отвержение национальных интересов в вопросе формирования стратегии национальной безопасности и внешней политики, и полное полагание на фактор личности и восприятия им угроз. Х.Голамниа и С.Пирмохаммади предпринимают подход рассмотрению региональной политики ОАЭ через призму неоклассического реализма, основной вмешивающейся переменной исследователи считают фактор личности Мохаммеда бин Зайеда. Авторы приходят к выводу, что проактивная внешняя политика ОАЭ, связанная с вмешательством в дела других государств, основана на ментальных особенностях Мохаммеда. Слабыми сторонами данного исследования является чрезмерное внимание к личности наследного принца и, соответственно, снижения внимания к структурным факторам, как внутри Эмиратов, так и в региональном положении.

Третьим блоком исследований по проблеме выделяются непосредственно работы, рассматривающие **политику обеспечения национальной безопасности ОАЭ**, который также довольно широк: Х. Ибиш, М. Хеджес, Е.Тауншенд, С.Аль-Моалла, М. Матястик, В. Мичник, Э. Аль-Ходжави.²⁴ Одной из наиболее комплексных работ считается исследование Х. Ибиша из Института арабских государств в Вашингтоне, в котором автор выделяет ключевые вызовы безопасности, которые встречаются ОАЭ на современном этапе, рассмотрев как традиционные

²⁴ Ibish H. The UAE's evolving national security strategy // Issue Paper. 2017. Т. 4.; Hedges M. Small State Security Engagement in Post-Arab Spring MENA: The Case of the United Arab Emirates // Asian Affairs. 2021. Т. 52. № 2.; Townshend E. J. Religion and political survival: The regional strategies of Iran, Saudi Arabia, the UAE and Qatar. The University of Waikato, 2020.; AL-MOALLA S. ANALYSIS OF THE UNITED ARAB EMIRATES' NATIONAL SECURITY. Durham University, 2017. السياسات الأمنية لدولة الحجاوي, إيهاب. استشراف الإمارات العربية المتحدة لمواجهة (Аль-Хаджави, Эхаб. Предвидение политики безопасности Объединенных Арабских Эмиратов для решения будущих региональных проблем) // Научный журнал факультета торговли. 2021. Т. 72. No 1.

вызовы безопасности в виде региональных угроз, так и нетрадиционные вопросы киберпространства, экологии, прав человека. Делается вывод, что стратегия национальной безопасности Эмиратов представляет собой комплекс нехарактерный для малого государства, с активным участием в конфликтах и, в то же время, понимания своих ограничений, связанных с ресурсным потенциалом, что приводит к полаганию на союзников. Исследование М.Хэджеса, который на примере ОАЭ изучает политику обеспечения безопасности малых стран региона Залива. Используя как кейсы региональные конфликты в Йемене, Ливии и Сомали, исследователь делает вывод, что ОАЭ стремятся к активному подавлению угроз своей безопасности по всему региону Ближнего Востока и Африки. К этим угрозам автор в первую очередь относит распространение политического ислама, а также фактор экстремизма. Хэджес считает, что в этом направлении ОАЭ упрочняли свое военно-политическое сотрудничество с другими акторами, такими как Россия, Саудовская Аравия, Египет. В работе Е.Тауншенда рассматривается вопрос религии и политического выживания на примерах региональных стратегий Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара.²⁵ Фактор религиозного проецирования, секуляризма и сектантского различия ставится в центр внешней политики и сохранения политических режимов в регионе на примере выбранных государств. В контексте ОАЭ, Тауншед подчеркивает, что для обеспечения безопасности предпринимается стратегия, основанная на поддержке секуляризма, поддержке наименее радикальных суннитов, борьбой с шиитскими ополчениями в регионе и экстремистами суннитского толка.

Можно отметить диссертационное исследование эмиратского исследования С.Аль-Моалла, посвященное анализу национальной безопасности ОАЭ. Основываясь на подходе Копенгагенской школы,

²⁵ Townshend E. J. Religion and political survival: The regional strategies of Iran, Saudi Arabia, the UAE and Qatar: дис. The University of Waikato, 2020.

используя наработки Б.Бузана, автор фокусируется на внутренних вызовах безопасности ОАЭ, особенно выделяя идею государства ОАЭ, институты ОАЭ, а также физический аспект безопасности. В рамках исследования происходит попытка переосмыслить все историческое развитие безопасности внутри ОАЭ с 1971 г., и некоторых региональных вызовов, связанных с действиями про-иранских вооруженных формирований и исламских движений, которые бросали вызов институциональной основе Эмиратов.

Таким образом, можно сделать вывод, что тематика политики обеспечения безопасности ОАЭ и их внешней политики остается широко представленной в академической среде. В то же время, большинство работ ставят во главу угла либо внешние, либо определенные внутренние фактора, напротив невелико число работ, стремящихся к комплексной оценке направления. На решение этой проблемы и направлено данное исследование и поэтому для ответа на поставленный исследовательский вопрос в исследовании была выбрана теоретическая рамка неоклассического реализма.

Исследовательская проблема. *Несоответствие между объективными ограничениями ОАЭ и их эффективной способностью преодолеть существующие вызовы, обеспечивать стабильность в стране, реализацию амбициозных планов социально-экономического развития, расширение своего влияние за пределы привычного проецирования силы и противостояния угрозам национальной безопасности сверхактивными методами.*

Решение этой проблемы предопределяет необходимость рассмотрения **исследовательских вопросов**, связанных с анализом конкретных причинно-следственных связей, которые обуславливали изменения в политике ОАЭ в сфере обеспечения национальной безопасности, в особенности, в период после начала арабской весны,

которые сформулированы следующим образом: *каким образом и почему изменялась политика обеспечения национальной безопасности ОАЭ после арабской весны?*

Объектом исследования выступает политика обеспечения национальной безопасности ОАЭ. **Предметом:** эволюция политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ в региональном измерении.

Цель: определение основных факторов, влияющих на изменение политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ в регионе Персидского залива. Для решения этой цели были сформированы следующие **задачи:**

- *Проследить формирование среды региональной безопасности до 2011 г. (арабская весна);*
- *Выявить трансформацию среды региональной безопасности после 2011 г.;*
- *Оценить роль государственных институтов и баланса сил между эмиратами в обеспечении национальной безопасности ОАЭ;*
- *Проанализировать влияние фактора лидера и внутренней политической динамики в ОАЭ на принятие политических решений по вопросу обеспечению национальной безопасности ОАЭ;*
- *Оценить фактор формируемой национальной идентичности в процессе принятия решений по вопросу обеспечению национальной безопасности ОАЭ;*
- *Проанализировать формы сотрудничества ОАЭ с региональными и внерегиональными акторами по обеспечению национальной безопасности;*
- *Оценить политику ОАЭ по противодействию политическому исламу с 2011 по 2021 гг.;*

- *Оценить политику ОАЭ по противодействию угрозе терроризма с 2011 по 2021 гг.;*
- *Проанализировать политику ОАЭ по противодействию угрозе, исходящей от Ирана, с 2011 по 2021 гг.;*
- *Провести анализ эволюции политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ в региональном измерении с 2011 по 2021 гг.;*

Гипотезы, которые были проверены в этой работе. **Гипотеза 1.** Эволюция в подходах руководства ОАЭ к вопросам обеспечения национальной безопасности во многом обусловлена изменениями политики в регионе США, которые традиционно рассматриваются Эмиратами в качестве ключевого фактора сохранения региональной стабильности в зоне Персидского залива. **Гипотеза 2.** Более активная политика противодействия угрозам национальной безопасности в регионе стала возможной вследствие консолидации власти внутри ОАЭ вокруг Абу-Даби.

Хронологические рамки исследования:

2011 – 2021 гг. (с обращением к более ранним историческим этапам для анализа контекста и структуры региональной безопасности, а также формирования и трансформации внутренних факторов). Хронологические рамки исследования объясняются критическими изменениями, вызванными событиями Арабской весны, повлекшими за собой трансформацию региональных отношений и ответов ОАЭ на них в области обеспечения национальной безопасности. Верхняя граница объясняется годом завершения катарского кризиса внутри ССАГПЗ, заключением соглашения в Аль-Уле и последующим снижением региональной напряженности.

Методология

В ходе работы над исследованием в качестве основной теоретической рамки был использован *неоклассический реализм*. Неоклассический

реализм, принимая во внимание внешний фактор, предлагает объяснения почему при одинаковых условиях одно и то же государство в разных периодах, выбирают различные стратегии поведения. Учитывая поставленный исследовательский вопрос, эта теория становится наиболее подходящей для выявления соотношения между факторами, влияющими на проводимую политику и понимания причин этих изменений.

Основное преимущество использования этого теоретического подхода – возможность совместить анализ внешних (независимая переменная) и внутренних (вмешивающаяся переменная) факторов в процессе формирования политики государства. Особое значение для этого исследования приобретает оценка следующих внутривнутриполитических факторов, таких как роль государственных институтов (включая баланс сил между эмиратами), фактор лидера и национальная идентичность.

Таким образом в исследовании проведен анализ как трансформации региональной среды, произошедшей в следствие событий Арабской весны, так и внутренних аспектов, отвечавших за реакцию ОАЭ на внешние вызовы, что позволяет провести комплексный анализ важнейших факторов, влиявших на эволюцию политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ.

Для этого использованы следующие *методы*:

- *системный подход*, который позволяет комплексно проанализировать эволюцию политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ с учетом всех, рассматриваемых внутренних и внешних факторов;
- *Сравнительно-исторический метод анализа*, который позволят выявить ключевые изменения в региональной среде на разных этапах и политику ОАЭ в их отношении, проводя взвешенную оценку и сравнение для лучшего понимания специфики;

- *Метод внешнеполитического анализа*, включая анализ институтов, биографический анализ, примененный для оценки внутреннего фактора в ОАЭ;
- *Качественный контент-анализ* в рамках работы с официальными выступлениями и документами.
- *Метод кейс-стади* для анализа конкретных примеров действий ОАЭ на различных направлениях.

Источниковедческая база исследования. В ходе исследовательской деятельности использовались следующие виды источников:

Актовые источники необходимы в рамках данного исследования как для анализа соглашений ОАЭ с другими странами, которые касаются области обеспечения обороны страны и национальной безопасности, так и для анализа внутренних нормативно-правовых актов, определяющих какие действия и организации, признаются угрожающими безопасности государства, и чья деятельность является незаконной.²⁶ В то же время нужно понимать, что тема обеспечения национальной безопасности остается крайне чувствительной для любой страны, учитывая закрытость политического режима ОАЭ, далеко не все соглашения и документы находятся в открытом доступе.

Одним из наиболее часто встречающихся в рамках данного исследования видов источника являются *делопроизводственные*. К таким источникам относятся официальные заявления ОАЭ по региональным проблемам, которые размещаются на официальных страницах министерства иностранных дел и международного сотрудничества ОАЭ, а

²⁶ Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar and United Arab Emirates Riyadh Agreement (with Endorsement Agreement, Riyadh, 24 November 2013). URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/55378/Part/I-55378-0800000280527ea2.pdf> (accessed at 30.04.2024).; ABRAHAM ACCORDS PEACE AGREEMENT: TREATY OF PEACE, DIPLOMATIC RELATIONS AND FULL NORMALIZATION BETWEEN THE UNITED ARAB EMIRATES AND THE STATE OF ISRAEL // state.gov 2020. August,13. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (accessed at 30.05.2024).

также на официальных страницах посольств ОАЭ и сайте ООН.²⁷ Частое обращение к данному виду источников объясняется необходимостью понимания позиции ОАЭ по чувствительным вопросам обеспечения безопасности. В эту же категорию попадают *заявления Верховного совета ССАГЗ по итогам саммитов*,²⁸ в ходе которых поднимались вопросы безопасности и региональные угрозы. Требуют внимания и *ежегодные отчеты группы экспертов ООН по Йемену и Ливии*,²⁹ в рамках которых также дается оценка непосредственному участию ОАЭ в военных действиях на территории этой страны. Сюда же следует отнести ежегодные отчеты Службы исследований Конгресса, «мозгового центра» при Конгрессе США по ОАЭ.³⁰

Публицистика: статьи в средствах массовой информации, написанные представителями дипломатической службы ОАЭ: послами, министром и государственным министром иностранных дел, позволяющие дать оценку и продемонстрировать видение государственными служащими определенных региональных проблем безопасности (отражающее и видение государства).³¹

Заявления, выступления и интервью политических деятелей ОАЭ, являются одним из важнейших источников в данном исследовании, поскольку позволяют определить ключевые направления деятельности Эмиратов в обеспечении своей национальной безопасности, видение Эмиратами угроз безопасности и формирование стратегии страны по

²⁷ UN Security Council Open Debate on the Situation in the Middle East including the Palestine Question // UN.int URL: https://www.un.int/uae/statements_speeches/un-security-council-open-debate-situation-middle-east-including-palestine (accessed at 23.02.2022).

²⁸ بيان صادر عن الدورة الرابعة والثلاثين (Заявление тридцать четвертой сессии) // gcc-sg.org 2013. URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/Statements/SupremeCouncil/Pages/Astatementfromthethirtyfourths37.aspx> (accessed at 14.04.2024).

²⁹ Final report of the Panel of Experts Established pursuant to resolution 1973 (2011) // un.org 2019. November, 29. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3838591?v=pdf> (accessed at 17.05.2024).

³⁰ Katzman K. The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. Policy // crsreports.gov 2018. August, 21. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS21852/103> (accessed at 30.04.2024).

³¹ Al Otaiba Y. Annexation will be a serious setback for better relations with the Arab world. // ynet.com 2020. June, 12. URL: <https://www.ynetnews.com/article/H1Gu1ceTL> (accessed at 30.04.2024).

нейтрализации этих угроз.³² Однако, принимая во внимание закрытость политического режима ОАЭ и чувствительность темы, число таких источников ограничено.

Публикации в официальных аккаунтах в соцсетях наследного принца Абу-Даби Мохаммеда бин Зайеда, эмира эмирата Дубай шейха Мохаммеда бин Рашида, министра иностранных дел Абдуллы бин Зайеда, дипломатического советника президента ОАЭ и государственного министра по иностранным делам Анвара Гаргаша, посла ОАЭ в США и советника шейха Мохаммеда бин Зайеда Аль Нахайяна - Юсефа аль-Отайбы.³³

В работе используются и *материалы СМИ*. Этот вид источника необходим для воссоздания событийной линии в рамках исследования, посредством использования новостной ленты и статей. Можно выделить ключевые международные СМИ, у которых имеется фокус на ближневосточной политике это: *Bloomberg, Reuters, New York Times, CNN, Wall Street Journal, Al Jazeera*. Эмиратские издания: *The National, WAM, Gulf News, Khaleej Times, арабоязычные: Al Bayan, Al Ittihad, Emarat Al-Youm*.

Результатами, отражающими *научную новизну* можно назвать:

- Выявление ключевых внешних и внутренних факторов, влияющих на эволюцию политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ;
- Установление взаимосвязи между внутривосточными изменениями в ОАЭ и проводимой политикой обеспечения национальной безопасности;
- Выявление и оценка инструментов, используемых ОАЭ для

³² فرقت لهم الرفاهة (Гаргаш: «Братство» нацелено на режимы Персидского залива, которые обеспечили им процветание) // *albayan.ae* 2013. 15 апреля. URL: <https://www.albayan.ae/across-the-uae/news-and-reports/2013-04-15-1.1862801> (Дата обращения 17.05.2024).; Full interview with ruler of Dubai Sheikh Mohammed Bin Rashid Al Maktoum // *bbc.com* 2014. January, 15. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-25751968> (accessed at 05.05.2024).

³³ Запись в твиттер-аккаунте Мохаммеда бин Зайеда // *twitter.com* 2016. 15 июля. URL: <https://twitter.com/MohamedBinZayed/status/743098968305963009> (Дата обращения: 21.04.2024).

реализации целей обеспечения национальной безопасности.

Теоретическая и практическая новизна исследования

Теоретическая новизна этого исследования заключается в приращении академической литературы по вопросу обеспечения политики национальной безопасности государствами «мирового большинства». Более того, исследование дополняет академическую литературу с применением теоретической рамки неоклассического реализма, анализируя через призму этой теории кейс ОАЭ. Впервые в академическую литературу, затрагивающую национальную безопасность ОАЭ, введён и проанализирован институт Высшего совета по национальной безопасности. Отмечено влияние распределения сил в этом органе на приоритизацию государственных решений в области безопасности.

С практической точки зрения исследование выявило основные внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на политику обеспечения национальной безопасности ОАЭ, что может быть использовано в целях обновления российских предложений по безопасности в зоне Персидского залива через проработку предложений и оценки позиции ОАЭ. Результаты исследования могут быть использованы для образовательных целей при подготовке российских специалистов в регионе Ближнего Востока, дипломатического корпуса и студентов-востоковедов, а также для аналитических целей в работе по оценке рисков российских компаний в регионе.

Положения, выносимые на защиту:

- В условиях ОАЭ процесс формирования политики обеспечения национальной безопасности в ОАЭ базируется главным образом на соотношении сил внутри правящих монархических кланов, возглавляющих эмираты, на личностном факторе, восприятии конкретными высшими государственными деятелями характера

внешних и региональных угроз и выбора ими адекватных моделей политического реагирования, слабо сдерживаясь внутренними бюрократическими механизмами.

- В рассматриваемый в диссертации период происходило усиление влияния руководства столичного эмирата Абу-Даби на политику ОАЭ в сфере безопасности. Укреплявшееся положение шейха Мохаммеда бин Зайеда и его единокровных братьев во внутренних структурах эмиратской власти, как внутри семьи Аль Нахайян, так и на федеральном уровне, оказывало прямое воздействие на восприятие ОАЭ угроз национальной безопасности и реализуемую ими стратегию ответных действий. Линия Эмиратов становилась все более определенной, жесткой и ориентированной на использования собственного потенциала влияния на события в регионе.
- События арабской весны трансформировали вызовы национальной безопасности для ОАЭ в регионе, обострив негосударственные угрозы, что проявилось в революционных сменах режимов, росте терроризма и популярности движений политического ислама. ОАЭ активизировали свою вовлеченность в региональные процессы, применяя широкий инструментарий не только традиционных финансовых инструментов и дипломатического давления, но и прямого военно-политического вмешательства.
- Фактор изменения подхода к региону Ближнего Востока со стороны демократической администрации президента США оказывал прямое воздействие на трансформацию политики ОАЭ по обеспечению национальной безопасности в региональном измерении. При снижении приоритетности региона со стороны США – политика ОАЭ становилась более активной. Смена администрации в Вашингтоне в 2016 г. с демократической на республиканскую усилила взаимодействие ОАЭ с

США, предоставив большую возможность для опоры на Вашингтон при реализации политики по сдерживанию угроз в регионе.

- Фактор внутреннего раскола в ССАГПЗ, заключения ядерной сделки США с Ираном и смены короля в Саудовской Аравии сблизили ОАЭ с Саудовской Аравией, усилив их региональную кооперацию по борьбе с угрозами национальной безопасности.
- Усиление региональной напряженности в 2019 г. и последующая пандемия коронавируса изменили подход ОАЭ на более осторожный, направленный на снижение остроты региональных проблем, поставив в приоритет политики обеспечения внутренней экономической стабильности.
- В ходе реализации политики по обеспечению национальной безопасности, ОАЭ удалось занять позицию одного из лидеров в регионе, выйдя за рамки партнерств с традиционными союзниками, в частности, Саудовской Аравией и США. Расхождение в приоритетах региональной политики с Саудовской Аравией увеличило автономность ОАЭ в региональном измерении, а непоследовательность политики Вашингтона привела к поиску взаимодействия ОАЭ с другими центрами силы.

Структура и краткое содержание исследования.

1. Теоретическое обоснование исследования.

В первой главе исследования проведен теоретико-методологический анализ политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ. Сделан вывод, что теоретическое осмысление политических процессов на Ближнем Востоке традиционно следовало в русле западной мысли с малым акцентом на внутренних факторах, часто занимающих центральное положение в таких государствах. На этом фоне особое значение приобретают теоретические подходы, стремящиеся к осмыслению безопасности

государств так называемого «третьего мира» (мирового большинства). В основе этих концептов лежит внимательное отношение к рассматриваемым странам, с особенностями их структурного, политического, социально-экономического контекста.

В первом параграфе (*1.1. Теоретические подходы к проблеме безопасности*) проанализированы основные теоретико-концептуальные подходы к проблеме безопасности и выбран подход Б.Бузана, Е.Азара и К.Муна, с более широкой трактовкой этого понятия, не ограниченного вопросом физической безопасности, релевантный для государств Ближнего Востока, с большим акцентом на приоритизацию угроз самим государством, с обращением ко внутреннему контексту. Так в контексте ОАЭ, национальную безопасность мы обозначаем через безопасность устоявшейся в стране политической системы с руководящим характером правящих в эмиратах семей, сопряженной с сохранением внешнего и внутреннего суверенитета, стабильного развития принятой в стране экономико-социальной модели.

Во втором параграфе главы (*1.2. Неоклассический реализм и его применимость к региону*) было обосновано применение неоклассического реализма для изучения политики обеспечения безопасности государств Ближнего Востока и ОАЭ, в частности. В то время как традиционные подходы реализма/либерализма не могут полностью отразить всех вызовов безопасности, стоящих перед такими государствами, формировавшимися в иных исторических условиях и форматах, неоклассический реализм позволяет совместить в анализе как внешние независимые факторы, так и внутренние вмешивающиеся обстоятельства в процессы выработки политики обеспечения безопасности. В контексте ОАЭ были выбраны следующие основные внутренние факторы: фактор государственных институтов, фактор лидера, фактор формируемой идентичности.

2. Среда региональной безопасности.

Во второй главе исследования проведен подробный анализ внешней независимой переменной, формирования среды региональной безопасности. Сделан вывод, что региональная среда безопасности на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива динамична и на большей части рассматриваемого периода была зависима от внешнего вмешательства. Угрозы и вызовы, появляющиеся во временной динамике, усиливают напряженность и оказывают давление на региональных акторов, которые стремясь им противодействовать, сталкиваются между собой.

В первом параграфе главы (2.1. *Формирование среды безопасности в зоне Персидского залива 1990-2001 гг.*) дана оценка среды безопасности в регионе до вторжения США в Афганистан. В этот период среда безопасности прошла через трансформацию от традиционного соперничества между тремя крупными державами (Ирак, Ирана и Саудовской Аравии), сложившейся к началу 1990-х гг., к системе с высокой ролью внешнего игрока в лице США, после вмешательства Вашингтона и Первой войны в заливе. США, прочно закрепившие свое присутствие размещением военных баз, заключением оборонных соглашений с аравийскими монархиями, сделали возможным дальнейшее проецирование силы. Усиливающаяся зависимость арабских монархий от США предопределила невозможность формирования какой-либо устойчивой инклюзивной региональной структуры безопасности (включающей в себя Иран и Ирак).

Во втором параграфе главы (2.2. *Среда безопасности в зоне Персидского залива 2001-2011 гг.*) проанализирована среда безопасности от вторжения США в Афганистан до событий Арабской весны. В этот период вызовом безопасности в регионе становится международный терроризм, возведенный в ранг международной угрозы после террористических атак сентября 2001 г. Последующая жесткая политика США в регионе, направленная на борьбу с вызовами безопасности, не решила вопрос

терроризма, но привела к еще большей дестабилизации региональной среды безопасности. Вторжение США в Ирак в 2003 г. также вылилось в усиление проблем с безопасностью, трансформировав угрозы в регионе, ранее исходящих от экспансионистских стремлений внешней державы (Ирак при Хусейне), до целого спектра новых вызовов в виде роста активности террористических организаций (ИГИЛ), межконфессиональных столкновений и рисков их перетекания на территорию стран ССАГПЗ, включая ОАЭ. Последовало усиление напряжения в отношениях аравийских монархий и США с одной стороны, и Ираном с другой. Осложнения отношений, усиленные ростом влияния Ирана на Ирак и разработкой Тегераном ядерного оружия, создали новую точку напряжения и привели к формированию новой «холодной войны» между Эр-Риядом, Тегераном и союзных им сил (суннитский и шиитские блоки).

В третьем параграфе (2.3. *Трансформация региональной среды безопасности после арабской весны*) проведена оценка трансформации системы безопасности после арабской весны, а также проведена оценка и сделан вывод о динамике угроз в региональном измерении. События арабской весны, актуализировав проблему новых асимметричных вызовов безопасности для государств региона, предопределили дальнейшее срастание комплексов безопасности зоны Персидского залива и более широкого региона Ближнего Востока. Революционные процессы окончательно разрушили сложившийся баланс сил: бывшие лидеры региона (республики Сирия, Египет, Ирак), столкнулись с коллапсом политических режимов и ростом гражданских конфликтов, угрожающих перекинуться на другие страны.

Политические системы в арабских странах Персидского залива, проявили высокую способность к выживаемости в рамках регионального кризиса. Это сделало государства Персидского залива ключевыми акторами

всего Ближнего Востока, одновременно экспортировав на более широкий региональный уровень проблемы безопасности Персидского залива. В то же время различия предпринятых стратегий привели к столкновению аравийских монархий между собой, вылившись в два дипломатических кризиса внутри ССАГПЗ.

На фоне дестабилизации на новый уровень вышла угроза трансграничного терроризма. Рост деятельности ИГИЛ, заполнившего вакуум власти на территории дестабилизированного Ирака и послереволюционной Сирии, продемонстрировал опасность, которую несет нестабильное государственное управление в регионе.

Показательное снижение фокуса на регионе со стороны демократической администрации США привело к активизации в регионе новых внешних акторов, способных оказывать влияние на региональные взаимодействия и баланс сил (Россия, Китай). Стремление США договориться с Ираном по вопросу ядерной программы привело к нарастающему кризису в отношениях с аравийскими монархиями. Важным вопросом для региональной стабильности продолжало оставаться соперничество Ирана и аравийских монархий.

Повышенные ставки в региональных кризисах, бесперспективность неразрешенных споров и ограниченность возможностей на фоне разразившейся пандемии коронавируса в начале 2020 г. и сопутствующего экономического спада, привели руководство стран региона к пониманию необходимости возобновления контактов. Это вылилось в сближении переговорных позиций и постепенному снижению напряженности в регионе.

С опорой на эти знания проводится дальнейший анализ вмешивающейся переменной в следующей главе.

3. Внутренние факторы в обеспечении национальной безопасности ОАЭ.

В третьей главе проведен анализ внутренней переменной и

вмешивающихся факторов, влияющих на подход ОАЭ к обеспечению национальной безопасности. В первом параграфе (3.1. *Оценка фактора государственных институтов и баланса сил между эмиратами*) проведена оценка фактора государственных институтов, включая баланс сил между эмиратами, основные конституционные органы государственной власти, а также консультативные органы. Было выявлено, что в ОАЭ реальные механизмы принятия политических решений в сфере обеспечения национальной безопасности лежат за пределами основных конституционных институтов, они во-многом базируются на личностях, которые руководят страной, не особенно сдерживаясь внутренними бюрократическими механизмами, которые имеют слабый уровень влияния, оставаясь инструментальными органами в этом направлении.

На такое положение повлияла трансформация внутреннего баланса сил в политике ОАЭ в пользу Абу-Даби со снижением влияния руководства Дубая, Рас-эль-Хаймы и других эмиратов в начале XXI в., нарушив внутренние механизмы сдерживания, сконцентрировав инструменты по обеспечению безопасности государства в руках правящей семьи столичного эмирата Аль Нахайян. Последующий анализ основных органов, отвечающих за консультирование и выработку решений в области обеспечения национальной безопасности продемонстрировал усиление позиций в семье Аль Нахайян силового блока «Бани Фатима». Лояльные наследному принцу эмирата Абу-Даби шейху Мохаммеду бин Зайеду его единокровные братья заняли ключевые государственные посты.

Во второй части главы (3.2. *Фактор лидера и внутренняя динамика*) проанализирован фактор лидеров ОАЭ, сделан вывод о чрезмерном влиянии личности лидеров на политику обеспечения национальной безопасности и на оценку угроз национальной безопасности. Разобраны личности президента ОАЭ шейха Халифы бин Зайеда и наследного принца Абу-Даби шейха Мохаммеда бин Зайеда. Сделан вывод о их влиянии на

вопросы, касающиеся обеспечения национальной безопасности. Отмечено, что власть шейха Мохаммеда бин Зайеда была окончательно консолидирована после болезни президента ОАЭ шейха Халифы в 2014 г. и полного отхода от активной политической деятельности, что сказалось на политике обеспечения национальной безопасности ОАЭ.

В третьем параграфе (3.3. *Фактор национальной идентичности*) проведена оценка фактора формируемой в стране идентичности и ее влияние на оценку угроз безопасности. Выстраивание особой национальной идентичности, основанный на толерантности, открытости к миру и формированию общества будущего, следующего идее процветания, ориентированного на привлечение иностранных инвестиций для создания развитой и диверсифицированной экономики в ОАЭ привело к возведению в Абсолют идеи непринятия политического ислама, экстремизма и терроризма, что стало важнейшей частью эмиратского видения национальной безопасности, одновременно отвечая долгосрочным целям государственного строительства и сохранения общественного договора, закреплявшего руководящую роль правящих семей. В то же время, эта идея построения «государства модели» подчеркивала стремление стать региональным лидером с политическим и экономическим влиянием.

4. Политика обеспечения национальной безопасности ОАЭ с 2011 по 2021 гг.

В четвертой главе проведен анализ политики обеспечения национальной безопасности в региональном измерении с опорой на кейсы. Оценены формы сотрудничества с внерегиональными и региональными акторами по вопросу обеспечения национальной безопасности, противодействие угрозам исламистов и Ирана, а также проведен анализ эволюции политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ. Традиционно выступая с более осторожных дипломатических позиций, ОАЭ постепенно усиливали свое вовлечение в региональные процессы,

используя широкий инструментарий противодействия возникающим перед страной угроз. В этот инструментарий входили не только традиционные финансовые возможности по предоставлению внешней помощи и дипломатическое давление, но прямые военные и военно-технические решения, ставшие важным элементом политики противодействия угрозам национальной безопасности ОАЭ.

В первом параграфе (*4.1. Формы сотрудничества ОАЭ с региональными и внерегиональными акторами по обеспечению национальной безопасности*) особый акцент сделан на сотрудничестве ОАЭ с Саудовской Аравией, США, а также Китаем, Россией и Израилем. Сделан вывод, что альянс с США оставался важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности ОАЭ на стратегическом уровне на всем протяжении периода после арабской весны. ОАЭ продолжали поддерживать американские инициативы в области обеспечения региональной стабильности, оставались одним из крупнейших импортеров американского вооружения, принимали на своей территории широкий военный американский контингент, проводили совместные военные операции, направленные против террористической активности, стремясь продемонстрировать свою надежность как союзника для Вашингтона, готового «разделить бремя». В то же время, воспринимая американскую политику как непоследовательную и ненадежную, ОАЭ с 2015 г. начали выстраивать отношения с другими внерегиональными центрами силы, а фактор новых партнеров использовался для демонстрации США своих возможностей по диверсификации связей.

Важнейшим региональным союзником для ОАЭ стала Саудовская Аравия, взаимодействие с которой активизировалось после событий арабской весны. Это сближение усилилось после того, как к 2014 г. стал очевиден раскол внутри ССАГПЗ. Сближению ОАЭ и Саудовской Аравии также способствовала смена лидерства в Саудовской Аравии и

консолидация власти в ОАЭ вокруг наследного принца шейха Мохаммеда бин Зайеда, что привело к еще большему совпадению оценок руководства стран в отношении региональных угроз. На этом фоне отношения между ОАЭ и Саудовской Аравией приобрели уникальные институциональные формы, подняв вопрос сохранения ССАГПЗ в его традиционном формате. Альянс Саудовской Аравии и ОАЭ привел к реализации более жёстких мер по борьбе с региональными угрозами, в первую очередь влиянием «Братьев мусульман» и Ирана. На активное вовлечение альянса в региональные конфликты воздействие оказывало лояльное отношение к действиям монархий в Вашингтоне, заинтересованном в большей самостоятельности аравийских стран. Это отношение, однако, стало меняться на более негативное к 2018 г., повлияв на политику ОАЭ, начавших отстраняться от КСА.

Во втором параграфе (4.2. *Политический ислам и терроризм*) проведен анализ политики ОАЭ по сдерживанию угрозы, исходящей от политического ислама и терроризма в региональном измерении. Подробно на кейсах стран и внутренних событий продемонстрированы предпринятые Эмиратами действия по ликвидации угрозы. В противодействии угрозе, исходящей от политического ислама («Братьев мусульман» и террористических группировок), ставшей одним из важнейших вызовов для национальной безопасности, ОАЭ уже на начальном этапе (2011-2014 гг.) внутри страны использовали инструменты жесткого политического давления (репрессий), но на региональном уровне страна придерживалась более традиционных «мягких» инструментов, включая использование финансовых ресурсов и дипломатического давления.

С трансформацией властной конфигурации в Абу-Даби, политика заметно изменилась, а ОАЭ начали применять более жесткие (силовые) методы и на региональном уровне. Это проявилось в активном участии ОАЭ в конфликте в Ливии, участии в антитеррористической кампании

против ИГИЛ в Ираке, борьбе с партией «Ислах» и поддержке ЮПС в Йемене, борьбе с АКАП в Йемене, а также дипломатическом кризисе вокруг Катара, сопряженного с блокадой эмирата и жесткой дипломатической борьбой в регионе.

Отказ от жесткой политики и снижение давления на силы исламистов (в первую очередь, Катар), был реализован только к 2021 г., что было связано со снижением регионального влияния исламистов, реализованного на предыдущем этапе, внешним давлением, оказываемым на ОАЭ со стороны союзников, а также экономических вызовов, последовавших за пандемией коронавируса, на фоне стремления к сохранению экономического благополучия, связанного с проведением крупных международных мероприятий в регионе.

В третьем параграфе (4.3. *Противодействие угрозе со стороны Ирана*) проведен анализ политики ОАЭ по сдерживанию угрозы Ирана, на кейсах показаны основные инструменты и выявлена последовательность действий ОАЭ в отношении Тегерана.

На первом этапе (2011-2014 гг.), политика ОАЭ в отношении иранской угрозы отличалась умеренностью и осторожностью, продолжавшей предпринятую ранее стратегию, с высокой ролью эмирата Дубая, направленного на получение выгоды от взаимодействия с Ираном. Политика была направлена как на балансирование распространения влияния Ирана внутри ССАГПЗ, так и на дипломатическое и экономическое вовлечение Тегерана для решения проблемы оккупированных островов и снижения напряженности. Определенным исключением выступили события на Бахрейне в 2011 г., где ОАЭ примкнули к Саудовской Аравии и разместили свои войска на острове для противодействия шиитским протестам.

Однако на следующем этапе (2015-2019 гг.), последовавшим за сменой властной конфигурации в Абу-Даби, а также заключением ядерной

сделки США с Ираном, политика ОАЭ отличалась усиленной жесткостью и силовым характером, направленным на повышение рисков для Ирана в региональном измерении, с активным участием в прокси-конфликтах для снижения иранского влияния в регионе. Более жесткий подход, предпринятый в этот период, однако, не снизил уровень исходящей от Ирана угрозы, но привел к увеличению региональных рисков и большей агрессивности со стороны Ирана, что заставило серьезно пересмотреть политику ОАЭ на следующем этапе.

Возрастание рисков регионального конфликта (2019 г.) с перспективой распространения на территорию ОАЭ, привело к изменению политики страны по отношению Ирана. Отказавшись от содействия росту региональной напряженности, конкуренции путем наращивания военного потенциала, ОАЭ не только снизили свое вовлечение в региональные конфликты, в которых противостояли Ирану, но и изменили свою официальную риторику, стали активнее использовать дипломатические каналы и даже гуманитарную политику. Этому сближению способствовала последовавшая пандемия коронавируса, открывшая возможности для большего диалога с Тегераном. Политика ОАЭ на этом этапе отвечала интересам стабилизации внутреннего положения, сохранения экономического развития и реализации масштабных проектов, для которых была необходима региональная разрядка.

В последнем параграфе главы (4.4. *Анализ эволюции политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ 2011-2021 гг.*) проведен комплексный анализ эволюции политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ в рассматриваемый период, сделаны выводы о факторах, влияющих на изменения политики ОАЭ по обеспечению национальной безопасности.

Наиболее значимыми внешними факторами можно назвать, во-первых, внешнеполитическую трансформацию в регионе, последовавшая за

событиями арабской весны, создавшая окно возможностей и рисков, связанного с ослаблением традиционных региональных лидеров. Во-вторых, рост сил исламистов в регионе, а также взятие ими руководства над несколькими странами. В-третьих, заявляемое снижение роли США в регионе и непоследовательность подходов к ближневосточным кризисам, предпринимаемые сменявшимися демократическими и республиканскими администрациями в Вашингтоне. В-четвертых, это ядерная сделка, заключенная США с Ираном в обход аравийских союзников. В-пятых, смена руководства в Саудовской Аравии, повлиявшая на готовность КСА к более активной политике в региональном измерении, совпавшая со схожей оценкой региональных угроз и направленности интересов с ОАЭ. В-шестых, всплеск региональной напряженности и пандемия коронавируса, повысившие риски от следования жесткой политической линии.

Кроме того, внутренние факторы, среди которых можно выделить: консолидацию власти внутри ОАЭ вокруг столичного эмирата Абу-Даби, с ослаблением политических позиций эмиратов Дубай и Рас-эль-Хайма. Во-вторых, восхождение внутри правящей семьи Аль Нахайян в Абу-Даби наследного принца шейха Мохаммеда бин Зайеда Аль Нахайяна и его лоялистов. В-третьих, болезнь шейха Халифы бин Зайеда, снявшая ограничения перед шейхом Мохаммедом бин Зайедом в реализации внешней политики. В-четвертых, это фактор формируемой в стране идентичности и модели «государства будущего», требующий стабильности политической системы и региональной безопасности.

Апробация результатов исследования.

В рамках работы над диссертацией апробация получаемых результатов была проведена на большом числе научных конференций, как на отечественном, так и на международном уровне. 24.03.2022 г. на площадке ФМО СПбГУ в рамках X международной научной студенческой конференции "Россия в глобальном мире" с докладом «Эволюция

российской концепции безопасности региона Персидского залива»; 17.12.2022 г. в рамках XVII Конференции арабистов "Чтения И.М. Смилянкой" с докладом «Новые направления дипломатической активности стран Персидского залива: кейс военной дипломатии ОАЭ в Африке»; 06.04.2023 в рамках XI международной научной студенческой конференции "Россия в глобальном мире" с докладом «Отношения арабских монархий Залива и России в контексте проведения СВО»; 11.07.2023 г. в Университете Кэмбриджа, Великобритания, в рамках международной конференции The Gulf Research Meeting с докладом «The Gulf and the Horn of Africa: Comparative Analysis of the Strategies of the UAE, Saudi Arabia and Qatar»; 27.11.2023 в рамках XVIII Конференции арабистов "Чтения И.М. Смилянкой" с докладом «Развитие портово-логистической сети как инструмент реализации внешнеполитических целей ОАЭ (на примере присутствия ОАЭ в Африке)»; 24.04.2024 г. в ИВ РАН, Москва в рамках Шестой ежегодной всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Осмысляя Восток» с докладом «Внутренние факторы выстраивания политики обеспечения национальной безопасности ОАЭ»; 09.07.2024 г. в Университете Кэмбриджа, Великобритания в рамках конференции 15th Gulf Research Meeting с докладом «Russia's view on security in the Gulf and its possible role in the regional structure».

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие научные работы в рецензируемых научных изданиях:

1. Дорошенко Г. А., Шелковников А. И. Новые векторы развития ситуации в регионе Персидского залива // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 74–87.
2. Шелковников А. И. Эволюция политики безопасности ОАЭ в отношении конфликта в Йемене // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8.

С. 60–66.

3. Doroshenko G., Shelkovnikov A. Russia's view on security in the Gulf and its possible role in the regional structure // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2024. No. 4. (в печати)
4. Шелковников А. И. Новые инициативы по снижению напряженности в Персидском заливе // Международная жизнь. 2024. №11. (в печати)

Список источников и использованной литературы

Источники

1. ABRAHAM ACCORDS PEACE AGREEMENT: TREATY OF PEACE, DIPLOMATIC RELATIONS AND FULL NORMALIZATION BETWEEN THE UNITED ARAB EMIRATES AND THE STATE OF ISRAEL // state.gov 2020. August,13. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (accessed at 30.05.2024).
2. Al Otaiba Y. Annexation will be a serious setback for better relations with the Arab world. // ynets.com 2020. June, 12. URL: <https://www.ynetnews.com/article/H1Gu1ceTL> (accessed at 30.04.2024).
3. Al-Ula Declaration // un.org 2021. January, 5. URL: <https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=08000002805b2870> (accessed at 30.04.2024).
4. Federal Law No. (17) of 2006 on the Supreme Council for National Security // lexismiddleeast.com 2006. June, 11. URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/UnitedArabEmirates/Law_17_2006 (accessed at 07.05.2024).
5. Final report of the Panel of Experts Established pursuant to resolution 1973 (2011) // un.org 2019. November, 29. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3838591?v=pdf> (accessed at 17.05.2024).

6. Final report of the Panel of Experts Established pursuant to resolution 1973 (2011) // un.org 2019. November, 29. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3838591?v=pdf> (accessed at 17.05.2024).
7. Full interview with ruler of Dubai Sheikh Mohammed Bin Rashid Al Maktoum // bbc.com 2014. January, 15. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-25751968> (accessed at 05.05.2024).
8. Joint Statement on the Launch of the U.S.-UAE Strategic Dialogue // state.gov 2020. October, 22. URL: <https://2017-2021.state.gov/joint-statement-on-the-launch-of-the-u-s-uae-strategic-dialogue/> (accessed at 30.05.2024).
9. Katzman K. The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. Policy // crsreports.gov 2018. August, 21. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS21852/103> (accessed at 30.04.2024).
10. Katzman K. The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. Policy // crsreports.gov 2018. August, 21. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS21852/103> (accessed at 30.04.2024).
11. Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar And United Arab Emirates Riyadh Agreement (with Endorsement Agreement, Riyadh, 24 November 2013). URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/55378/Part/I-55378-0800000280527ea2.pdf> (accessed at 30.04.2024).; ABRAHAM ACCORDS PEACE AGREEMENT: TREATY OF PEACE, DIPLOMATIC RELATIONS AND FULL NORMALIZATION BETWEEN THE UNITED ARAB EMIRATES AND THE STATE OF ISRAEL // state.gov 2020. August,13. URL: <https://www.state.gov/wp->

content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (accessed at 30.05.2024).

12. Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar and United Arab Emirates Riyadh Agreement (with Endorsement Agreement, Riyadh, 24 November 2013). URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/55378/Part/I-55378-0800000280527ea2.pdf> (accessed at 30.04.2024).;
13. The Closing Statement of the Twenty Seventh Session // gcc-sg.org 2006. September, 10. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/Statements/SupremeCouncil/Pages/-TwentySeventhSession.aspx> (accessed at 21.08.2022).
14. The General Debate of the 70th Session of the United Nations General Assembly // un.int 2015. October, 2. URL: https://www.un.int/uae/statements_speeches/general-debate-70th-session-united-nations-general-assembly-1 (accessed at 05.05.2024).
15. UN Security Council Open Debate on the Situation in the Middle East including the Palestine Question // UN.int URL: https://www.un.int/uae/statements_speeches/un-security-council-open-debate-situation-middle-east-including-palestine (accessed at 23.02.2022).
16. Запись в твиттер-аккаунте Мохаммеда бин Зайеда // twitter.com 2016. 15 июля. URL: <https://twitter.com/MohamedBinZayed/status/743098968305963009> (Дата обращения: 21.04.2024).
17. Резолюция ООН №1368 // un.org 2001. 12 сентября. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/533/84/PDF/N0153384.pdf?OpenElement> (дата обращения 21.08.2022).
18. Указ Кабинета министров ОАЭ от 11 января 2015 г. // wam.ae 2015. January, 11. URL: <https://www.wam.ae/en/details/1395274931331> (дата

- обращения: 09.03.2024).
19. بيان صادر عن الدورة الرابعة والثلاثين (Заявление тридцать четвертой сессии) // gcc-sg.org 2013. URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/Statements/SupremeCouncil/Pages/Astatementfromthethirtyfourths37.aspx> (accessed at 14.04.2024).
20. قرقاش: «الإخوان» يستهدفون نظم الخليج التي وفرت لهم الرفاه (Гаргаш: «Братство» нацелено на режимы Персидского залива, которые обеспечили им процветание) // albayan.ae 2013. 15 апреля. URL: <https://www.albayan.ae/across-the-uae/news-and-reports/2013-04-15-1.1862801> (Дата обращения 17.05.2024).;
21. نص الاتفاقية الامنية بين دول مجلس التعاون لدول الخليج العربية. (Текст соглашения по безопасности между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива). 2012. URL: <https://gulfpolicies.org/2019-05-18-07-27-50/2019-05-18-09-56-28/1671-2019-07-03-05-58-00> (Дата обращения 22.08.2022).
22. 16 MoUs signed at UAE-China Economic Forum in Beijing // Gulfnews.com 2019. July, 22. URL: <https://gulfnews.com/uae/government/16-mous-signed-at-uae-china-economic-forum-in-beijing-1.1563795131412> (accessed at 03.06.2024).
23. Abdullah bin Zayed affirms to Zarif the UAE's support to Iran amid coronavirus // al-Arabiya 2020. March, 16. URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2020/03/16/Abdullah-bin-Zayed-affirms-to-Zarif-the-UAE-s-support-to-Iran-amid-coronavirus> (accessed at 17.05.2024).
24. Fattah Z. Top UAE Official Warns on Risk of 'Cold War' Between China, U.S. // Bloomberg.com. 2021. October, 2. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-02/top-uae-official-warns-on-risk-of-cold-war-between-china-u-s> (accessed at 03.06.2024).
25. رئيس الدولة في صحة مستقرة بعد جراحة إثر وعكة ناتجة عن جلطة (Глава государства находится в стабильном состоянии после операции, перенесенной после инсульта) // albayan 2014. 25 января. URL: <https://www.albayan.ae/across-the-uae/news-and-reports/2014-01-26-1.2048943> (Дата обращения 10.03.2024).
26. محمد بن زايد: السعودية عمود الخيمة الخليجية والعربية. وأمنها واستقرارها من أمن واستقرار الإمارات (Мохаммед бин Зайед: Саудовская Аравия — это столп Персидского залива и арабский шатер... а ее безопасность и стабильность — это безопасность и

стабильность Эмиратов) // emaratalyout.com 2016. February, 12. URL: <https://www.emaratalyout.com/local-section/other/2016-12-04-1.950708> (дата обращения: 15.04.2024).

Литература

27. Abdulla G. A. The Making of UAE Foreign Policy: A'dynamic Process Model'. Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2014. Т. 84.;
28. Al Ketbi E. Contemporary Shifts in UAE Foreign Policy: From the Liberation of Kuwait to the Abraham Accords // Israel Journal of Foreign Affairs. 2020.
29. Al Mashat A. M. Politics of constructive engagement: the foreign policy of the United Arab Emirates // Future. 2008. Т. 1.;
30. AL-MOALLA S. ANALYSIS OF THE UNITED ARAB EMIRATES' NATIONAL SECURITY. Durham University, 2017.
31. Al-Yousef Y. K. The United Arab Emirates at a crossroads // Contemporary Arab Affairs. 2013. Т. 6. №. 4.;
32. Alzaabi M. Foreign policy of the United Arab Emirates (UAE): Continuity and change // Smart Technologies and Innovation for a Sustainable Future: Proceedings of the 1st American University in the Emirates International Research Conference Dubai, UAE 2017. Springer International Publishing, 2019. P. 141-148.;
33. Arafat A. A. D. Regional and international powers in the gulf security // Springer International Publishing, 2020.; Al Jabri M. M. A. Gulf Security: Peninsula Shield Force and Iran // Third International Security Conference. 2017. Т. 15.;
34. Bianco C. Gulf security after 2011: A threat analysis // Middle East Policy. 2018. Т. 25. №. 2. P. 27-41.;
35. Cafiero G. The "Trump Factor" in the Gulf Divide // Divided Gulf. Palgrave Macmillan, Singapore, 2019.;

36. Cordesman A. H. Gulf security: looking beyond the Gulf Cooperation Council. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2017.
37. Davidson C. M. Dubai and the United Arab Emirates: security threats // British Journal of Middle Eastern Studies. 2009. T. 36. №. 3. P. 431-447.;
38. Dogan-Akkas B. The UAE's foreign policymaking in Yemen: from bandwagoning to buck-passing // Third World Quarterly. 2020.
39. El-Dessouki A., Mansour O. R. Small states and strategic hedging: The United Arab Emirates' policy towards Iran // Review of Economics and Political Science. 2020.;
40. Foley S. The UAE: political issues and security dilemmas // Middle East. 1999. T. 3. №. 1. p. 26. Alfadhli H. A. Boundaries and Territorial Disputes in the GCC States // Sultanate of Oman, Muscat. 2018.
41. Gholamnia H., Pirmuhammadi S. Transformation of the Regional Politics of United Arab Emirates: Muhammad Ben Zayed's Approach // Scientific Journal of Security Horizons. 2021. T. 13. №. 49.;
42. Guzansky Y. The foreign-policy tools of small powers: Strategic hedging in the Persian Gulf // Middle East Policy. 2015. T. 22. №. 1.;
43. Guzansky Y., Marshall Z. A. The Abraham Accords: Immediate significance and long-term implications // Israel Journal of Foreign Affairs. 2020. T. 14. №. 3.;
44. Heard-Bey F. Abu Dhabi, the United Arab Emirates and the Gulf region: fifty years of transformation. Gerlach Press, 2016.;
45. Hedges M. Small State Security Engagement in Post-Arab Spring MENA: The Case of the United Arab Emirates // Asian Affairs. 2021. T. 52. №. 2.;
46. Hellyer P. The evolution of UAE foreign policy // United Arab Emirates: a new perspective. 2001. P. 161-178.;
47. Ibish H. The UAE's evolving national security strategy // Issue Paper. 2017. T. 4.;

48. Kamrava, Mehran, *Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf*. Cornell University Press, 2018.
49. Khan S. M. *UAE Defence Strategy* // *Defence Journal*. 2014. T. 18. №. 5.;
50. Krieg A. The UAE's 'dogs of war': Boosting a small state's regional power projection // *Small Wars & Insurgencies*. 2022. T. 33. №. 1-2. C. 152-172.
51. Mason R. Breaking the mold of small state classification? The broadening influence of United Arab Emirates foreign policy through effective military and bandwagoning strategies // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2018. T. 24. №. 1.;
52. Miller R., Verhoeven H. Overcoming smallness: Qatar, the United Arab Emirates and strategic realignment in the Gulf // *International Politics*. 2020. T. 57. p. 1-20.;
53. Musallam M. Al Rashedi, "The UAE National Security Strategy in the 21st Century", United States Marine Corps, School of Advance Warfighting, Marine Corps University, Thesis, 2005;
54. Quero J., Dessì A. Unpredictability in US foreign policy and the regional order in the Middle East: reacting vis-à-vis a volatile external security-provider // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2021.
55. Rickli J. M., Almezaini K. Theories of Small States' Foreign and Security Policies and the Gulf States // *The Small Gulf States: Foreign and Security Policies Before and After the Arab Spring*, Khalid S. Almezainive Jean-Marc Rickli. 2017. P. 8-31.;
56. Rugh A. B. *The political culture of leadership* // *The Political Culture of Leadership in the United Arab Emirates*. New York: Palgrave Macmillan US, 2007. C. 217-236.;
57. Sheerwood L. Risk Diversification and the United Arab Emirates' Foreign Policy // *The Small Gulf States: Foreign and Security Policies Before and After the Arab Spring*. 2017.

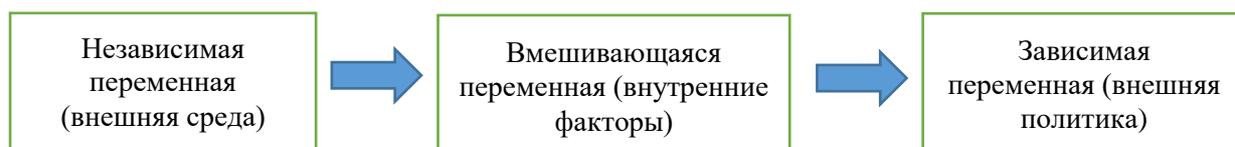
58. Steinberg G. Regional power United Arab Emirates: Abu Dhabi is no longer Saudi Arabia's junior partner. // SWP Research Paper. 2020. №. 10. P. 35.
59. Townshend E. J. Religion and political survival: The regional strategies of Iran, Saudi Arabia, the UAE and Qatar. The University of Waikato, 2020.;
60. Ulrichsen K. C. Internal and external security in the Arab Gulf states // Middle East Policy. 2009. Т. 16. №. 2.;
61. Ulrichsen K. The United Arab Emirates: power, politics and policy-making. Routledge, 2016.
62. Watkins J. Identity politics, elites and omnibalancing: reassessing Arab Gulf state interventions in the Uprisings from the inside out // Conflict, Security & Development. 2020. Т. 20. №. 5.;
63. Yossef A. Gulfization of the Middle East Security Complex: The Arab Spring's Systemic Change // The Regional Order in the Gulf Region and the Middle East. Palgrave Macmillan, Cham, 2020.;
64. Ziadah R. The importance of the Saudi-UAE alliance: notes on military intervention, aid and investment // Conflict, Security & Development. 2019. Т. 19. №. 3. P. 295-300.;
65. Аксенёнок А. Ближневосточные головоломки // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. №. 6. С. 202-206.
66. Бакланов А. Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созиданию системы региональной безопасности. МГИМО, 2001.;
67. Бакланов А. Г. Ближний Восток: «дорожная карта» региональной безопасности // М.: Ин-т Ближнего Востока. 2006.;
68. Бакланов А.Г. Не втянуться в воронку // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №. 2. С. 213-223.
69. Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития //

- Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №. 3. С. 5-19.;
70. Горбатова В.В. Саудовская Аравия и ОАЭ в Йемене: противоречивая коалиция // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 52—69.
71. Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке-невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. №. 2. С. 97-109.;
72. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ И. Д., КУЗНЕЦОВ В. А. Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера // Международные процессы. 2017. Т. 15. №. 4. С. 6-19.;
73. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №. 5. С. 6-18.
74. Кузнецов В. А., Наумкин В. В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. №. 1. С. 70-92.;
75. Мелкумян Е. С. Внешнеполитическая деятельность Бахрейна, Катара, Кувейта, ОАЭ и Омана по поддержанию региональной стабильности после 2011 г // Ближний Восток и современность. 2015. №. 49. С. 101-120.;
76. Мелкумян Е. С. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 2. С. 107—118.
77. Мелкумян Е. С. История государств Арабского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман) в XX-начале XXI в. 2016.;

78. Сурков Н. Ю. АРАБСКИЙ МИР В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ 2022 ГОДА НОВЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ И АЛЬЯНСЫ ДЛЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОВОГО УСТРОЙСТВА // Свободная мысль. 2023. №. 1 (1697). С. 116-128.;
79. Труевцев К.М. Десять лет «арабской весны»: пейзаж после битвы // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. №. 5. С. 60-70.
80. Тюкаева Татьяна Иршатовна ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ОАЭ: ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. №4.
81. Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство. Азия и Африка сегодня. 2023. №9. С. 27-35.
82. التحالف غير المقدس : الولايات المتحدة الأمريكية والخليج العربي بين واقعية روزفلت وبرجماتية (Мохаммед бин Хувейдин. Нечестный союз: Соединенные Штаты Америки и страны Персидского залива между реализмом Рузвельта, прагматизмом Никсона и идеализмом Буша-младшего) // Центр стратегических исследований Эмиратов. 2018. 199 с.
83. السياسات الأمنية لدولة الإمارات العربية المتحدة لمواجهة الجاوي, إيهاب. استشراف (Аль-Хаджави, Эхаб. Предвидение политики безопасности Объединенных Арабских Эмиратов для решения будущих региональных проблем) // Научный журнал факультета торговли. 2021. Т. 72. № 1.

Приложение

Таблица 1. Логика неоклассического реализма.

Источник: составлено автором на основе Rose G. Neoclassical realism and

theories of foreign policy //World politics. 1998. Т. 51. №. 1. p. 154.

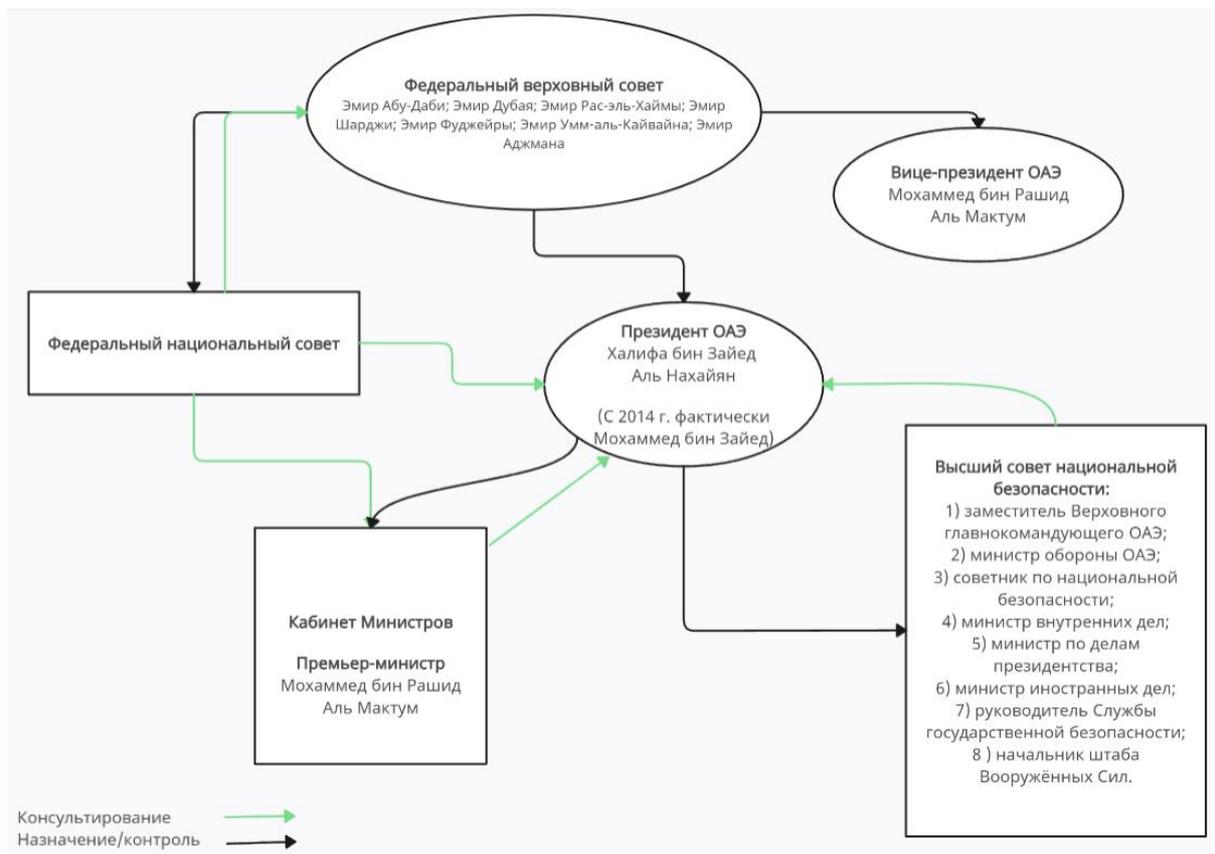
Таблица 2. Члены Высшего совета национальной безопасности.

№	Имя	Правящая семья	Должность	Период нахождения
1	Халифа бин Зайед	Аль Нахайян	Президент, председатель совета, эмир Абу-Даби	2006-2022 гг.
2	Мохаммед бин Рашид	Аль Мактум, Дубай	Вице-президент, министр обороны ОАЭ, эмир Дубай	2006 – наст. вр.
3	Мохаммед бин Зайед	Аль Нахайян («Бани Фатима»)	Заместитель Верховного главнокомандующего ОАЭ, наследный принц Абу-Даби	2006 – наст. вр.
4	Хаза бин Зайед	Аль Нахайян («Бани Фатима»)	Советник по национальной безопасности	2006-2016 гг.
5	Сейф бин Зайед	Аль Нахайян («Бани Моза»)	Министр внутренних дел	2006 – наст. вр.
6	Мансур бин Зайед	Аль Нахайян («Бани Фатима»)	Министр по делам президентства	2006 – наст. вр.

7	Абдалла бин Зайед	Аль Нахайян («Бани Фатима»)	Министр иностраннных дел	2006 – наст. вр.
8	Хамад бин Мубарак аль- Шамси	-	Руководитель Службы государственной безопасности	2006 – 2016 гг.
9	Хамад бин Мохаммед аль- Румайти	-	Начальник штаба Вооружённых Сил	2006 – по наст. вр.
10	Халед бин Мохаммед	Аль Нахайян (сын Мохаммеда бин Зайеда)	Руководитель Службы государственной безопасности	2016 – наст. вр.
11	Тахнун бин Зайед	Аль Нахайян («Бани Фатима»)	Советник по национальной безопасности	2016 – наст. вр.

Источник: составлено автором на основе официальных данных.

Таблица 3. Схема властных отношений в ОАЭ по вопросам национальной безопасности

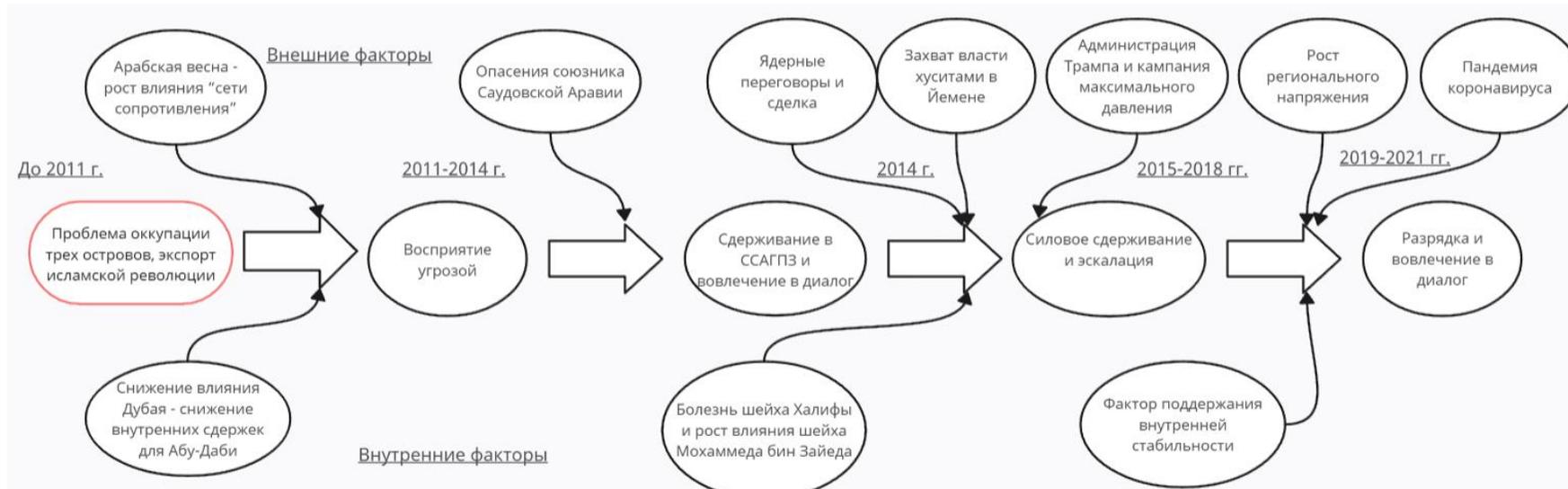
Источник: составлено автором на основе законодательства ОАЭ, практических наблюдений.

Таблица 4. Модель политики ОАЭ в отношении угрозы политического ислама и терроризма.

Источник: составлено автором.

Таблица 5. Модель политики ОАЭ в отношении угрозы Ирана.

Источник: составлено автором.